

сается идей и политических планов А.В. Чайнова, Н.Д. Кондратьева и других ученых-аграрников, то сфера их реального общественно-политического воздействия на те или иные слои населения страны была еще более ограниченной, чем у правых.

Реальных шансов на претворение в жизнь ни бухаринская, ни чайновско-кондратьевская альтернативы сталинской форсированной коллективизации в конкретных условиях страны на рубеже 1920–1930-х гг. не имели. Советская деревня оказалась обреченной на величайшую трагедию – насильственную коллективизацию, благодаря которой сталинскому руководству удалось достичь одной из главных экономических целей: обеспечить гарантированные поставки хлеба по низким ценам. Колхозный строй, наскоро созданный в первой половине 1930-х гг. неизмеримо дорогой, но не напрасной ценой позволил обеспечить усиленную перекачку средств и рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность, тем самым сделав мощный индустриальный скачок накануне войны. Сам же колхозный строй стал неотъемлемой составной частью предельно централизованной экономики мобилизационного типа, которая внесла весомый вклад в победу в Великой Отечественной войне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Поляков В.О. Голод 1924–1925 гг. в Поволжье. Волгоград, 2009.
2. Бабашкин В.В. Россия в 1902–1935 гг. как аграрное общество: закономерности и особенности отечественной модернизации. М., 2007.

3. Бруцкус Б.Д. Народное хозяйство Советской России, его природа и его судьбы // Вопросы экономики. 1991. № 10.
4. Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977.
5. Челинцев А.Н. Опыт изучения организации крестьянского сельского хозяйства в целях обоснования общественной и кооперативно-агрономической помощи на примере Тамбовской губернии. Харьков, 1919.
6. Шагин Э.М. Очерки истории России, ее историографии и источниковедения (конец XIX – середина XX вв.). М. 2008.
7. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1953. Т. 4.
8. Кабанов В.В. Судьбы кооперации в России // Судьба российского крестьянства. М., 1996.
9. Никифоров Е.А. К проблеме альтернативности в социальном развитии России // Историческое значение нэпа. М., 1990.
10. Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 43.
11. Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 45.
12. Есиков С.А. «Бухаринская альтернатива» сталинскому аграрному курсу // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. М., 2011.
13. Голод в СССР. 1929–1934. М., 2011. Т. 1.
14. Как ломали нэп: Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг. М., 2000. Т. 4.
15. Сталин И.В. Соч. Т. 11. М., 1949.
16. Чайнов А.В. Оптимальные размеры сельскохозяйственных предприятий. М., 1924.
17. Бухарин Н.И. Избранные произведения. М., 1988.
18. Современные концепции аграрного развития (теоретический семинар). Обзор подготовлен В.В. Бабашкиным // Отеч. история. 1993. № 2.

Статья поступила
в редакцию 01.08.2013

УДК 94(47).084.6

В.А. ИЛЬИНЫХ

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ ДЕРЕВНИ: ПРОЕКТЫ И РЕАЛЬНОСТЬ*

д-р ист. наук,
Институт истории СО РАН, г. Новосибирск
e-mail: agro@history.nsc.ru

Рассматриваются предпосылки, альтернативы, планы реализации и социально-экономические итоги форсированной коллективизации. Сделан вывод, что поставленные идеологами большевистского режима цели не были достигнуты в силу противодействия со стороны крестьянства, традиционные ментальные основы жизнедеятельности которого не были учтены при разработке планов социалистической реконструкции сельского хозяйства.

Ключевые слова: коллективизация, проекты аграрного развития, Сталин, колхозная система, историография.

Коллективизация традиционно является одной из центральных проблем отечественной исторической науки. На советском этапе развития профессиональной

историографии ее исследователи в целом следовали официально принятой концепции «социалистической реконструкции деревни». В соответствии с ней причинами перехода к сплошной коллективизации стали: 1) крайняя ограниченность возможностей мелкого крестьянского хозяйства и полная неспособность его

*Статья подготовлена в рамках проекта Президиума РАН № 33.2.2.

кардинально решать социальные проблемы деревни; 2) усиление сопротивления кулачества регулирующей роли пролетарского государства. Составными частями официальной парадигмы являлись еще два принципиальных тезиса: 3) к 1930 г. в деревне были созданы материально-технические и политические предпосылки для ускорения темпов социалистического строительства; 4) коллективизация осуществлялась на основе «ленинского кооперативного плана» (см., напр.: [1; 2; 3]).

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. данная концепция была отвергнута. Обратившиеся к проблеме коллективизации исследователи пришли к выводу, что она не имела ничего общего с «ленинским кооперативным планом», материально-технические предпосылки для ее проведения к концу 1920-х гг. созданы не были, сопротивление зажиточного крестьянства стало ответом на нарастающее налоговое и политическое давление со стороны режима. В рамках данного подхода была сформулирована точка зрения о том, что возможности поступательного развития крестьянского хозяйства на базе нэпа к концу 1920-х гг. не были исчерпаны. Данной точки зрения, в частности, придерживались В.П. Данилов и Н.Я. Гушин (см., напр.: [4; 5, с. 47; 6, с. 130–131]). Таким образом, ведущие ученые-аграрники не видели объективных предпосылок коллективизации, а видели только субъективные, волюнтаристские.

Исходя из этого коллективизация воспринималась как неспровоцированная тотальная акция по ликвидации крестьянства, осуществленная лично Сталиным, который рассматривал крестьянство как единственную силу, реально угрожавшую существованию режима и его личной власти. В рамки данного подхода вписывается и точка зрения о том, что голод 1932/33 г. был организован лично Сталиным, чтобы сломить у крестьян волю к сопротивлению большевистскому эксперименту, заставить их работать на колхозных полях и фермах. В украинской концепции «голодомора – геноцида» объектом террора голодом было не советское крестьянство в целом, а украинское крестьянство как основа нации [7, с. 15].

Однако в 1990-е гг. стала формироваться иная позиция, правда, изначально вне аграрной историографии. Ряд специалистов, анализирующих историю России XX в. в контексте общецивилизационных процессов, полагает, что коллективизация являлась «важной разновидностью модернизации». По их мнению, коллективизация – это стратегическое направление, отечественный формат и метод мобилизации материальных и трудовых ресурсов, базовое основание индустриализации [8].

Историографический процесс в 2000-х гг. привел к выводу о наличии не только субъективных, но и объективных предпосылок коллективизации, в том числе к этому стал склоняться и ряд историков-аграрников. Попытка встраивания аграрного развития России в более широкий исторический контекст породила две аграрные интерпретации теории модернизации. Это

концепция капитализации М.А. Безнина и Т.М. Димони [9] и концепция «аграрного перехода» Г.Е. Корнилова [10].

Сторонники данного подхода считают, что коллективизация являлась, хотя и ни лишенным издержек, этапом объективно необходимой модернизации аграрного строя России. По их мнению, нэп к концу 1920-х гг. исчерпал свои возможности, а крестьянское хозяйство не создавало возможностей для устойчивого поступательного развития аграрной экономики, а тем более для объективно необходимого стране модернизационного рывка.

Реальному, а не мифическому нэпу действительно были присущи имманентные институционные характеристики, которые сдерживали развитие сельского хозяйства. К ним прежде всего относится мелко-варность крестьянского хозяйства. Именно она стала причиной возникновения в стране в условиях нэпа зерновой проблемы. Высокотоварные помещичьи и крестьянские предпринимательские хозяйства в ходе аграрной революции, акторами которой являлись крестьяне, были ликвидированы. В результате экспорт зерновых из СССР даже в самые урожайные годы не превышал и четверти его дореволюционного объема [11, с. 219], а в неблагоприятные годы хлеба едва хватало для внутреннего потребления.

Доказательством издержек аграрной экономики периода нэпа является и ситуация, сложившаяся в Сибири в сфере промышленного маслоделия. В 1909–1913 гг. регион поставлял 16 % мирового экспорта животного масла и 60 % – российского [12, с. 162]. П.А. Столыпин в 1910 г. заявлял: «Сибирское маслоделие дает золота вдвое больше, чем вся сибирская золотопромышленность»¹. Высокий уровень товарности молочного животноводства обеспечивали зажиточные (многокоровные) крестьянские хозяйства. На смену им в 1920-е гг. пришли мелкотоварные дворы с относительно небольшим количеством коров. В результате достигнутый в 1926/27 г. максимальный за годы нэпа объем товарного производства животного масла в Сибири составил 62 % от уровня 1913 г. [13, с. 256].

Необходимость модернизации аграрной экономики в конце 1920-х гг. была очевидна многим современникам. Данной точки зрения придерживался Н.Д. Кондратьев, предлагавший либеральный путь перестройки сельского хозяйства. Он считал, что необходимо снять ограничители пределов роста крестьянских хозяйств и сделать ставку на развитие наиболее состоятельных из них. Именно в крупных, по существу фермерских, хозяйствах, широко применявших наемный труд, достигались более высокие производительность, товарность и степень накопления капитала. В них интенсивно формируются финансовые ресурсы, которые используются их владельцами для интенсификации производства и внедрения агротехнологических новаций. Что же касается бедноты, то она создает надежную базу для пополнения рядов

¹ Вопросы колонизации. 1911. № 8. С. 357.

сельскохозяйственных и промышленных рабочих, и это также необходимо для развития народного хозяйства [14, с. 17].

Теоретики организационно-производственной школы российской аграрной науки («неонародники»), наиболее видным представителем которой являлся А.В. Чайнов, также не были сторонниками консервации существующих аграрных отношений. Они предлагали провести достаточно радикальную ее перестройку на базе кооперативной коллективизации и агротехнической («зеленой») революции, которые должны были способствовать существенно увеличению товарности семейных (фактически мелкофермерских) крестьянских дворохозяйств [14, с. 18].

Аграрники-марксисты предлагали путь не кооперативной, а производственной коллективизации деревни. По их мнению, объединение крестьян в производственные кооперативы позволяло широко внедрить в сельское хозяйство новейшие технические достижения (тракторы с соответствующим шлейфом орудий, комбайны и другие уборочные машины, доильные аппараты, кормораздатчики, инкубаторы и т. п.), превратить аграрный труд в разновидность индустриального и за счет этого резко повысить его производительность и товарность. Не менее, а может, более важным фактором роста производительности труда в коллективных хозяйствах должно стать его освобождение от эксплуатации [14, с. 18].

Наиболее отработанным в общественной практике мировой цивилизации был способ решения аграрного вопроса, поддерживаемый Н.Д. Кондратьевым. Развитые страны Запада, аграрный строй которых базировался на высокоразвитом капиталистическом фермерском хозяйстве, доказали его эффективность. Однако этот вариант был абсолютно неприемлем для большевистского руководства страной по идеологическим соображениям. Но он был отторгаем и большинством крестьянства, поскольку ломал достижения общинной революции конца 1910-х гг.

Крестьянству была ближе чайновская модель, хотя в ее рамках также фактически предполагалась ликвидация традиционной крестьянской общины. Следует отметить, что реализация данной модели требовала значительных капитальных вложений, а следовательно, приостановки темпов индустриализации.

Пришедшие к власти в России в 1917 г. большевики в качестве неперемennого условия социалистической реконструкции сельского хозяйства рассматривали его обобществление. Однако после перехода к нэпу решение задачи коллективизации деревни отодвигалось на отдаленную перспективу. Считалось, что «мелкое» крестьянское хозяйство «еще долго» будет оставаться основной организационно-производственной структурой сельского хозяйства. В связи с этим центральные и региональные власти не отвергали предложений представителей организационно-производственной школы и использовали их в текущей аграрной политике и даже в перспективном планировании [15]. Более того, существует точка зрения, что знаменитая статья

В.И. Ленина «О кооперации» написана под непосредственным воздействием чайновской теории.

Однако в конце 1920-х гг. сталинское большинство в ЦК ВКП(б) пришло к выводу, что мелкотоварное аграрное производство перестало отвечать задачам ускоренной модернизации страны. XV съезд ВКП(б) в качестве основной задачи партии в деревне поставил задачу «объединения и преобразования мелких индивидуальных хозяйств в крупные коллективы». Осуществить коллективизацию планировалось на основе так называемого ленинского кооперативного плана. Производственная кооперация в резолюции XV съезда «О работе в деревне определялась «наилучшей формой экономического массового объединения крестьянства, <...> формой его хозяйственного и культурно-политического перевоспитания». При этом основным методом организации производства и заготовок сельхозпродукции должна была стать осуществляемая кооперацией контрактация [16, с. 299].

Предусмотренные в общегосударственных и региональных планах уровни коллективизации деревни постоянно корректировались в сторону повышения. В разработанном в Госплане СССР первом пятилетнем плане (1928/29–1932/33 гг.) в Сибирском крае предполагалось к 1 октября 1933 г. объединить в колхозы 14,5 % крестьянских хозяйств [17, с. 260]. В принятом 5 января 1930 г. постановлении ЦК «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» планировалось завершить ее в основном в главных зерновых районах (Северный Кавказ, Нижнее и Среднее Поволжье) «осенью 1930 г. или во всяком случае весной 1931 г.», а в других зерновых районах (в том числе в Сибири) – осенью 1931 – весной 1932 г., в незерновых районах (в том числе на Дальнем Востоке) – к весне 1933 г. [18, с. 72]. В регионах, с одобрения Центра, этот процесс решили еще более ускорить. 2 февраля 1930 г. Сибкрайком ВКП(б) по инициативе его первого секретаря Р.И. Эйхе выдвинул задачу завершения коллективизации весной текущего года [19, с. 6–7].

Помимо установок на достижение того или иного уровня коллективизации были разработаны и конкретные проекты модернизации сельского хозяйства на базе его обобществления. В Сибири таким проектом стала аграрная составляющая «Генерального плана развития народного хозяйства Сибирского края» [20, 21, 22].

Организационно-производственная структура будущего сельского хозяйства региона в соответствии с этим проектом должна была представлять собой систему агроиндустриальных комбинатов (АИКов), которые представляли собой объединение хозяйственных ячеек в виде колхозов, совхозов и перерабатывающих предприятий, обладающих совместной управленческой, энергетической, транспортной и другой инфраструктурой. Каждый комбинат имел специализацию, в целом соответствующую специализации сельскохозяйственного района, на территории которого он находился.

Специалистами сельхозсекции Сибплана были разработаны пять подробных проектов АИК, которые рассматривались как типовые [23, с. 72–85]. Так, ведущей отраслью хозяйства Шипуновского АИК Рубцовского округа должно было стать производство пшеницы. На ее отходах следовало развивать птицеводство. В севообороты в качестве пропашной культуры вводилась соя. Отходы ее переработки, сеяные травы, окультуренные сенокосы и естественные выпасы создавали кормовую базу для разведения крупного рогатого скота мясного направления. Менее продуктивные пастбища предназначались для овцеводства. Организационно АИК состоял из базового зерносовхоза, семи крупных колхозов, птицеводческого и овцеводческого хозяйств. На центральной усадьбе совхоза, расположенной на железнодорожной станции, находились большое мельпредприятие, зернохранилище, маслоперерабатывающий (соевый) завод, холодильник, электростанция и ремонтный завод (отдельные мастерские строились и в колхозах).

Объединение колхозов, совхозов и перерабатывающих предприятий в единые производственные комплексы рассматривалось как гарантия существенного наращивания валового и товарного производства сельскохозяйственной продукции. В Генеральном плане намечалось к концу 1930-х – началу 1940-х гг. увеличить посевные площади в 3,9 раза, посевы пшеницы – в 2,4, льна – в 6,4, поголовье крупного рогатого скота – в 3,3, коров – в 3,5, овец – в 2,3, свиней – в 4,1, валовое производство зерновых – в 3,5 раза, молока – в 8 раз, животного масла – в 15 раз [24, с. 262]. Следует отметить, что построение развитого аграрно-индустриального общества в деревне непосредственной целью большевистского руководства не являлось. Наращивание производства должно было привести к многократному увеличению объемов и стоимости сельскохозяйственного экспорта и таким образом обеспечить необходимыми средствами ускоренное развитие тяжелой промышленности.

В конце зимы 1930 г. темпы коллективизации соответствовали самым смелым предположениям. В начале марта в Сибири и в СССР в целом в колхозах числилось более половины крестьянских хозяйств. Результатом «большевистского натиска» стало резкое падение производительных сил сельскохозяйственного производства, особенно осязаемое в животноводстве. С тем чтобы окончательно не уничтожить аграрный сектор экономики, власти скорректировали свою политику по отношению к деревне. Насильственные методы коллективизации были официально дезавуированы. И крестьяне в массовом порядке из колхозов стали выходить.

Отступление режима имело тактический характер. В начале 1931 г. массовая коллективизация возобновилась. К концу года членами колхозов стало 60 % крестьянских дворов в Сибири и 62 % в стране в целом. Таким образом, уже в течение 1931 г. аграрная экономика Сибири и России перестала быть крестьянской, а крестьянское хозяйство – ее базовой производственной ячейкой. 80 %-ный уровень коллек-

тивизация, который определялся как ее «завершение в основном», был достигнут в начале 1935 г. [25, с. 319, 361; 2, с. 196, 314].

Однако грандиозные планы по наращиванию сельхозпроизводства провалились. Коллективизация не только не способствовала подъему сельского хозяйства, но, напротив, в краткосрочной перспективе привела к падению производительных сил, особенно глубокому – в животноводстве. В среднесрочной перспективе к концу 1930-х гг. удалось добиться наращивания по сравнению с концом 1920-х гг. посевных площадей и валовых сборов. Однако восстановить поголовье скота так и не удалось. Кроме того, форсированная коллективизация привела к ухудшению качественных показателей производства (урожайности, продуктивности). Вместе с тем обеспечиваемый жестким внеэкономическим принуждением уровень отчуждения сельхозпродуктов («принудительная товарность») существенно вырос. Базовым инструментом сверхнормативного изъятия сельхозпродукции стали колхозы, которые потеряли свою изначальную кооперативную сущность. Колхозы, к которым в качестве фактически бесплатной рабочей силы прикреплялись бывшие крестьяне, с одной стороны, находились под жестким административным, финансовым и технологическим диктатом государства, а с другой – функционировали на принципах самокупаемости, осуществляемой в условиях абсолютно неэквивалентного и принудительного обмена.

Сложные сельхозмашины находились на машинно-тракторных станциях (МТС), которые на возмездной основе, взимаемой в форме натуральной оплаты, занимались производственно-техническим обслуживанием колхозов. Помимо выполнения механизированных работ на МТС возлагалось осуществление так называемой организационной помощи колхозам. Они контролировали практически все стороны колхозной жизни – производство, учет труда, распределение дохода, в директивном порядке определяли агротехнику. Неотъемлемой составляющей колхозной системы были личные приусадебные хозяйства (ЛПХ). Несмотря на мизерные размеры, они являлись для владельцев основным источником существования. Кроме того, значительная часть ресурсов ЛПХ расходовалась на покрытие натурально-денежных обязательств крестьян перед режимом.

Утвердившийся в масштабах всей страны аграрный строй отличался внеэкономическим принуждением, применяемым в качестве основного способа изъятия земельной ренты, и рефеодализацией системы налогообложения деревни, которая заключалась в возврате к сословности обложения, натуральным и отработочным его формам. Таким образом, в ходе сплошной коллективизации в аграрной сфере в СССР сформировалась система, которую некоторые публицисты и даже исследователи определяют как «агротулаг».

Реальный сталинский аграрный социализм, таким образом, радикально отличался от того, каким он в кон-

це 1920-х гг. представлялся марксистским теоретикам. В связи с этим возникает вопрос, не использовалась ли картина, нарисованная, в частности, в вышеупомянутом «Генеральном плане развития народного хозяйства Сибирского края», как отвлекающая пиар-акция, прикрывающая действительные планы И.В. Сталина, изначально сделавшего ставку на построение «агроулага».

В этом абсолютно уверены адепты теории тоталитаризма, которые, если несколько утрировать их взгляды, считают, что Сталин уже в 1922 г. имел четкий поэтапный план действий на ближайшие 20 лет: 1) устранить, в том числе и физически, своих соперников, добиться абсолютной власти в партии и государстве; 2) «загнать» крестьян в «агроулаг»; 3) за счет их ограбления провести милитаризованную индустриализацию; 4) на созданных в ее ходе заводах выпустить тысячи танков; 5) и затем двинуться на них к Ла-Маншу. Причем этот план в значительной степени удался. За исключением того, что Гитлер не стал ждать советской агрессии и напал первым.

Фактически тождественную точку зрения имеют и многие сторонники концепции модернизации. По их мнению, И.В. Сталин изначально видел в создаваемом колхозном строе инструмент внешнеэкономической перекатки ресурсов из аграрной сферы в индустриальную. Принципиальные отличия двух вышеперечисленных позиций заключается в формулировке конечных целей Сталина: завоевании мирового господства или сохранении суверенитета страны в условиях враждебного окружения. Естественно, что во втором случае танки были необходимы не для агрессии, а для обороны.

Нам представляется, что И.В. Сталин и его окружение в высших эшелонах власти, начиная форсированную коллективизацию, все-таки верили в благоприятное влияние массового колхозно-совхозного строительства на сельское хозяйство. И задача осуществления индустриализации за счет фактического ограбления деревни и тем более голодомора первоначально не ставилась.

Вера в успех коллективизации базировалась в том числе и на убеждении, что она будет поддержана абсолютным большинством сельских жителей. В своих ожиданиях ответной реакции крестьянства на коллективизацию власть исходила из догматических представлений о социально-классовой дифференциации деревни. Крестьянство не едино и разделено на три социальные группы: бедняков, середняков и кулаков. Сельский пролетариат и полупролетариат, оставаясь опорой пролетарского государства в деревне, вступит в колхозы и в благодарность за освобождение от «вековечной нужды и кабалы» будет работать в них «не покладая рук». Совмещающее в своей природе черты труженика и собственника среднее крестьянство может колебаться и попасть под влияние кулаков. Кулачество, однозначно определяемое большевистскими теоретиками как сельская буржуазия, «чувствуя неминуемую гибель», будет «ожесточено сопротивляться наступлению социализма в деревне».

Окончательно сломить сопротивление кулачества можно только путем его ликвидации как класса. При этом раскулачивание даст не только политический, но и вполне осязаемый хозяйственный эффект. Колхозам требуется стартовое имущество. И взять его можно у зажиточных крестьян, использовав их потом для освоения новых территорий. Нейтрализация кулацкого влияния на середняков и лишение их собственности позволит в полной мере раскрыть потенциал средних слоев как тружеников.

Однако поведенческая реакция большинства крестьянства на проводимый над ними социальный эксперимент оказалась неожиданной для теоретиков и практиков большевистского режима. Так, после официального провозглашения курса на коллективизацию в деревне начался массовый забой скота, в котором участвовали крестьяне всех социальных групп и политических ориентаций, включая советских активистов [26, с. 472]. Одним из оснований для принятия решения о форсировании колхозного строительства было в том числе и желание властей спасти скот от истребления.

Высокая доля коммун среди колхозов являлась не только следствием установок местных властей на поддержку данной формы колхозного строительства, но и убеждения крестьян в том, что коммунары за счет государственных средств будут, как и рабочие, получать 12 «урожаев» (зарплат) в год. Посланные в деревню уполномоченные отмечали «собезническое» отношение крестьян не только к коммунарам, но к сельхозартелям. Колхозники были уверены в том, что государство даст им необходимые материальные и финансовые ресурсы, что позволило бы повысить материальное благосостояние, не прикладывая особых трудовых усилий. Однако государство, уверенное в высоком производственном потенциале колхозов, намеревалось получить от колхозной деревни сельхозпродукции больше, чем оно получало до начала массовой коллективизации. При этом невыполнение заготовительных планов воспринималось как проявление «кулацкого саботажа» и пресекалось административными и репрессивными мерами. Колхозы необходимого для государства количества продукции не производили и были вынуждены выполнять планы заготовок за счет своих семенных, кормовых, страховых и потребительских фондов.

Поскольку практически всю производимую продукцию изымало государство, то ресурсы для оплаты труда своих членов у колхозов отсутствовали. Практически ничего не получающие за свой труд колхозники фактически устроили на «общественных» полях и фермах «итальянскую» забастовку [7, с. 131–134]. Кроме «итальянки», массовый характер приобрело бегство из деревни. Широкое распространение получили хищения колхозного имущества, прежде всего хлеба. Сельские жители пытались похитить зерно везде, где отсутствовала охрана, выкашивая его на полях, срезая колосья, собирая на стерне, забирая из скирд, возков, токов и амбаров. При этом массовый характер хищений в начале 1930-х гг. стал производным не только и

не столько от традиционного крестьянского менталитета, а представлял собой попытку крестьян спасти себя и свои семьи от реально грозящего им голода.

В начале 1930-х гг. причины такого поведения власть видела в продолжающемся влиянии на деревню до конца и не «выкорчеванных» из нее кулаков. В связи с этим политика «ликвидации кулачества как класса» продолжилась. Раскулачиванию и депортации подлежали все бывшие (в том числе бежавшие в город) или вновь выявленные кулаки.

Следует отметить, что убежденность в том, что кулачество является особой группой крестьянства, имеющей специфические черты менталитета и экономического поведения, из идеологических установок большевистской партии перекочевали в современную, причем антибольшевистскую публицистику и историографию. Итогом раскулачивания, по мнению ряда современных критиков сталинской аграрной революции сверху, стало «уничтожение самого трудолюбивого и экономически перспективного слоя в крестьянстве» [27, с. 34]. Если исходить из этой логики, то все незажиточные селяне были лодырями. Конечно, социальные аутсайдеры в деревне были, однако большинство крестьян были зажиточными или бедными не только и не столько в силу степени своего трудолюбия.

С точки зрения теоретиков организационно-производственной школы [28, с. 20–31; 29, с. 471], которую мы разделяем, имущественная дифференциация крестьянства во многом детерминировалась их демографической дифференциацией (различиями отдельных хозяйств по размеру и составу семьи). Малолюдное хозяйство, как правило, являлось маломощным, а многолюдное – более зажиточным. При этом крестьянское семейное дворохозяйство вероятным образом переживало ряд этапов в своем развитии. Молодая семья, состоявшая из мужа, жены и малолетних детей, была относительно бедной. По мере вовлечения в трудовую деятельность детей происходило наращивание ее состоятельности. Женитьба сыновей и появление нескольких молодых семей в составе материнского хозяйства чаще всего приводило к его превращению в зажиточное. Раздел означал возникновение новых, значительно менее состоятельных хозяйств. Таким образом, крестьянин мог за свою жизнь пройти несколько стадий имущественной состоятельности – от бедности до зажиточности и снова до бедности. В условиях нэпа капиталистическое разложение крестьянства прекратилось и зависимость имущественной дифференциации от демографической стала еще более жесткой. Под раскулачивание в своем большинстве попали не те крестьяне, которые были более трудолюбивыми, чем другие, а те, у которых семьи на тот момент были больше.

Таким образом, политика коллективизации и раскулачивания имела идеологическое основание. Однако для И.В. Сталина и его соратников марксистские концепции не были «священной коровой». Внешне оставаясь их приверженцами, они из прагматических оснований или политической целесообразности могли

отказаться от того или иного доктринального положения или по-другому его интерпретировать. Так, материальная, техническая и политическая невозможность в конкретно-исторических условиях соединения сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности через создание АИКов получила идеологическое объяснение. Партия якобы отказалась от их строительства, поскольку в идее агроиндустриальных комбинатов были заложены «грубейшие политические ошибки, заключающиеся в основном в грубом нарушении принципа самостоятельности колхозов и совхозов, в гигантомании, в перепрыгивании через важнейший этап социалистического строительства – этап объединения мелких крестьянских хозяйств в артель-село»².

Лидеры большевистского режима в конечном итоге пришли к выводу, что их планам по социалистической реконструкции деревни противостоят не только кулаки, но и большая часть крестьян. Несмотря на сохранение антикулацкой риторики, с 1932 г. основным объектом репрессивной политики стало крестьянство в целом, против которого были направлены и «закон о колосках», и паспортная система. Следует отметить, что репрессии частично купировали, но не ликвидировали негативные, с точки зрения режима, формы поведения сельских труженников. Хищения, работа «спустя рукава», невиданная до того бесхозяйственность оставались имманентно присущими родовыми чертами аграрного строя сталинского социализма. Слоган «Не свое – колхозное» на многие годы стал своеобразным *modus vivendi* значительной части членов колхозов.

Показателем пересмотра позиций части правящей верхушки и лично И.В. Сталина на перспективу и методы социалистической реконструкции деревни можно считать и окончательный отказ от рудиментов «ленинского кооперативного плана». В феврале 1932 г. упразднили сельскохозяйственную кооперацию, а ранее закрепленную за ней функцию заготовок передали государственным заготторганизациям [30, с. 90]. В декабре 1932 г. ликвидировали Колхозцентр, а также специализированные, региональные и районные колхозсоюзы [31, с. 890]. Руководство колхозами передавалось в руки Наркомата земледелия СССР и его органов. В конце 1932 – начале 1933 г. была отменена контрактационная система. Вместо нее вводились имеющие налоговый характер обязательные поставки основных видов сельхозпродукции [32, с. 107, 119].

Таким образом, предпринятый большевистским режимом эксперимент не удался в силу противодействия ему со стороны крестьянства, традиционные ментальные основы жизнедеятельности которого не были учтены при разработке планов социалистической реконструкции сельского хозяйства. И когда крестьянство своим экономическим поведением фактически блокировало реализацию агроиндустриального проекта, тогда реальное воплощение этого проекта, а затем и идеологическое обоснование радикально поменяли.

² Жизнь Сибири. 1931. № 1. С. 9.

При этом некоторые из высокопоставленных представителей большевистской политической элиты воспринимали реально существующую колхозную систему как временное отступление от идеальной социалистической модели. Именно этими убеждениями руководствовался Н.С. Хрущев, в 1951 г. предложивший вернуться к воплощению идеи агрогородов³, а после прихода к власти стремившийся перестроить доставшийся ему в наследство аграрный строй. И.В. Сталин, напротив, по нашему мнению, воспринимал сформировавшийся в ходе массовой коллективизации аграрный строй как утвердившийся «всерьез и надолго», поскольку, по его мнению, он применительно к российским условиям оптимально отвечал решению стоящих перед страной геостратегических задач. Именно поэтому он подверг вышеупомянутое предложение Хрущева разгромной критике [33, с. 24–25].

И.В. Сталин, будучи абсолютным правителем СССР, внес решающий вклад в формулирование целей, осуществление и интерпретацию итогов массовой коллективизации. В процессе ее проведения он фактически отказался от ряда марксистских доктринальных установок. Однако многие его внешне прагматические действия имели идеологический фундамент. Диктатор с либеральным контентом в голове (à la Пиночет) поступал бы в подобных обстоятельствах по-другому. Следует также иметь в виду убежденность Сталина в действенности методов реализации политики, которые можно определить как большевистские. При этом речь идет не только о левом радикализме и методах прямого насилия. «Шоковая терапия» и в 1922 г., и в 1992 г. осуществлялась большевистскими методами. В проводимой под руководством И.В. Сталина аграрной политике сочетались прагматизм, догматизм/идеализм и большевизм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трапезников С.П. Ленинизм аграрно-крестьянский вопрос. Изд. 3-е доп., М., 1983.
2. История советского крестьянства. М., 1986. Т. 2: Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Конец 1927–1937.
3. Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.). Новосибирск, 1983.
4. Данилов В.П. Коллективизация: как это было // Страницы истории КПСС: Факты. Проблемы. Уроки. М., 1988.
5. Данилов В.П. Введение (истоки и начало деревенской трагедии) // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: документы и материалы: в 5 т. 1927–1939. М., 1999. Т. 1: Май 1927 – ноябрь 1929.
6. Гуцин Н.Я. «Раскулачивание» в Сибири (1928–1934 гг.): методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия. Новосибирск, 1996.
7. Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2008.
8. Алексеев В.В. Российская революция в контексте теории модернизации (постановка проблемы) // Аграрное и демографическое развитие Сибири в контексте российской и мировой истории. XVII–XX вв. Новосибирск, 1999.
9. Безнин М.А., Димони Т.М. Капитализация в российской деревне 1930–1980-х годов. Вологда, 2005.
10. Корнилов Г.Е. Аграрная модернизация России в XX в.: региональный аспект // Уральский исторический вестник. 2008. № 2.
11. Ильиных В.А. Коммерция на хлебном фронте (государственное регулирование хлебного рынка в условиях нэпа. 1921–1927 гг.). Новосибирск, 1992.
12. Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков: конец XIX – начало XX. Новосибирск, 1967.
13. Ильиных В.А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка Сибири в условиях нэпа (1921–1928 гг.). Новосибирск, 2005.
14. Ильиных В.А. Нэп: поиск оптимальной модели реформирования аграрного строя // Экономическая история. 2012. № 1.
15. Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири в XX веке. Очерки истории. Новосибирск, 2008. Раздел IV.
16. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е. М., 1984. Т. 4.
17. Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. М., 1929. Т. III.
18. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е. М., 1985. Т. 5.
19. Коллективизация сибирской деревни. Январь–май 1930 г. Новосибирск, 2009.
20. Материалы к Генеральному плану развития народного хозяйства Сибирского края. Новосибирск, 1930. Ч. I: Пути развития Сибирского края.
21. Материалы к Генеральному плану развития народного хозяйства Сибирского края. Новосибирск, 1930. Ч. IV: Сельское хозяйство.
22. Материалы к Генеральному плану развития народного хозяйства Сибирского края. Новосибирск, 1930. Ч. IX: Экспорт.
23. Материалы к пятилетнему плану развития народного хозяйства и культурного строительства Сибирского края. Новосибирск, 1930.
24. Сибирь: проекты XX века (начинания и реальность) / Долголок А.А., Ильиных В.А., Ламин В.А. и др. Новосибирск, 2002.
25. Гуцин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. (социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.). Новосибирск, 1973.
26. Аграрная политика советского государства и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг. Новосибирск, 2011.
27. Российский гуманитарный энциклопедический словарь. М., 2002. Т. 3.
28. Чаянов А.В. Организация крестьянского хозяйства. М., 1925.
29. Огановский Н.П. Закономерность аграрной революции. Саратов, 1911. Т. II.
30. Ильиных В.А. Реорганизация системы сельскохозяйственной кооперации в конце 1920-х – начале 1930-х гг. // Кооперация Сибири: проблемы истории, экономики и социальных отношений. Новосибирск, 2009. Вып. 6.
31. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы в 5 томах. 1927–1939. М., 2001. Т. 3: Конец 1930–1933.
32. Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск, 2004.
33. Андреев С.Н. Аграрные преобразования в Западной Сибири в 1953–1954 гг. Новосибирск, 2007.

Статья поступила
в редакцию 07.05.2013

³ Правда. 1951. 4 марта.